

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА ДЕВИАЦИЙ И СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С.Г. Максимова, зав. каф. ФГБУ ВПО «Алтайский государственный университет», д-р соц. наук, проф., svet-maximova@yandex.ru

О.Е. Ноянзина, доц. каф. ФГБУ ВПО «Алтайский государственный университет», канд. соц. наук, noe@list.ru

В статье представлена комплексная модель взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков воспроизводства девиаций и социальной безопасности. Данная модель реализуется на основе анализа социального механизма обеспечения социальной безопасности в контексте рассмотрения социальных рисков воспроизводства девиаций и трактуется в рамках структурно-функционального, институционального и деятельностного подходов.

Ключевые слова: безопасность, социальная безопасность, социальные риски, социальный риск воспроизводства девиаций, социальные девиации, концептуальная модель, социальный механизм обеспечения безопасности.

CONCEPTUAL MODEL OF INTERCONNECTION AND INTERDEPENDENCE OF SOCIAL RISKS REPRODUCTION OF DEVIATIONS AND SOCIAL SECURITY

S.G. Maksimova, Head of Department at the «Altay Federal State University», Ph.D of Sociology, Professor, svet-maximova@yandex.ru

O.E. Noyanzina, Assistant Professor at the «Altay Federal State University», Doctor of Sociology, noe@list.ru

The article presents an integrated model of interconnection and interdependence of social risks reproduction of deviations and social security. This model is implemented on the basis of the analysis of the social mechanism of providing social security in the context of the consideration of social risks reproduction of deviations and is interpreted in the framework of the structural-functional, institutional and active approaches.

Key words: safety, social security, social risk, social risk of deviations reproduction, social deviance, the conceptual model, social security mechanism.

Современное состояние общественных процессов, происходящих в мире, изменение общественных парадигм развития, которые долгое время считались наиболее устойчивыми и определяли системные цели различных социетальных общностей, вызывали повышенный интерес к проблемам анализа направлений и результатов трансформаций. В процессе глобализации происходит дальнейшее развитие цивилизации, в мировом сообществе появляются новые блага, но, вместе с тем, происходит становление новых угроз и опасностей планетарного характера. Появление качественно новых угроз и особенно глобальной террористической угрозы свидетельствует о том, что обеспечение безопасности в нынешней модели цивилизационного развития опирается на устаревшие принципы.

В настоящее время в науке преодолен узкий и упрощенный взгляд на безопасность только как на выявление, устранение и отражение военных опасностей. Существует достаточно общепризнанная мировым научным сообществом концепция, утверждающая, что безопас-

ность человека и общества включает, помимо военной, политическую, экономическую, социальную, экологическую, научно-техническую, информационную и другие значимые составляющие. В этом категориально-понятийном ряду исследование социальной безопасности актуализируется тем обстоятельством, что ее меры направлены непосредственно на человека, на защиту его насущных материальных, духовных и других жизненных интересов. Проблематика социальной безопасности в настоящее время привлекает немалый интерес отечественных ученых, отчасти потому что проблемы социальной безопасности мало разработаны как в отечественной, так и в мировой науке. Однако, прежде следует обратиться к родовому понятию «безопасность», которое, вследствие многих причин, также слабо разработано.

С развитием теории и практики обеспечения безопасности в 1990-е гг. XX века стали появляться труды, в которых безопасность была разделена на несколько видов: национальную, экономическую, политическую, военную и т. д. Все это определило активизацию научного интереса к проблеме безопасности, в которой выделилось несколько основных направлений:

– теоретико-методологическое осмысление современных оснований проблемы безопасности человека, источников и предпосылок всех видов угроз его существованию, возможных сценариев развития общественных процессов;

– теоретико-прикладные исследования важнейших составных частей проблемы безопасности, таких как экономическая, политическая, военная, техногенная, экологическая, социальная и другая безопасность, т. е. всего комплекса вопросов национальной безопасности, определяемых приоритетными в любом цивилизованном обществе, в любом современном государстве;

– конкретные исследования состояния социальных объектов в предметном поле проблемы безопасности, определение параметров устойчивости социальных систем, возможных структурных деформаций на разных социальных уровнях, социальной рефлексии индивида на действие угроз [11].

В сегодняшних условиях общество наиболее часто демонстрирует те социальные изменения, которые часто связаны с сочетанием понятий «угроза», «опасность», «риск». Конец XX в. показал, что главный итог ушедшего столетия – не огромные технические достижения, а возникновение новых рисков и угроз [6].

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова [17] значение слова «угроза» определяет следующим образом: «1. Запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло. 2. Возможная опасность». Сама же «опасность» в этом же словаре понимается как: «1. Способность вызывать, причинять какой-либо вред, несчастье. 2. Возможность, угроза чего-нибудь плохого». Сравнение значений слов «опасность» и «угроза» показывает, что второе является конкретным проявлением первого, «опасность» включает в себе возможность угрозы, вероятность причинения какого-либо вреда.

В научном обороте имеется более полная формулировка понятия «угроза»: «это опасность на стадии готовности перейти из возможности в действительность, предупреждение словом или демонстрационным действием о последующих опасных событиях, или введение в заблуждение с главной целью использования страха для приобретения преимущественного положения в каком-либо отношении» [21].

Опасности – это возможные или реальные явления, события и процессы, способные нанести частичный вред или даже уничтожить человека, социальную группу, народ, общество и государство, нанести ущерб их благополучию, разрушить материальные, духовные или природные ценности, вызвать деградацию, закрыть путь к развитию нации в целом [20].

Опасность способна приобретать различные формы. Весьма часто она выступает как намерения, планы, подготовка действий, а также сами действия одних субъектов против других в целях уничтожения, ограбления, подчинения, закабаления, ослабления, уничтоже-

ния и т. д. Другой формой опасности выступает такое действие людей, групп и обществ и государств, как *риск*.

Существует множество не противоречащих друг другу определений и толкований понятия «риск». Риск, в понимании современных теоретиков западных стран – это все же не катастрофа, не опасность и не «побочный продукт» процессов общественной жизни [2, 4, 15, 23, 26]. Риск является одной из важнейших категорий, отражающих меру опасности ситуаций, в которых имеются потенциальные факторы, способные неблагоприятно воздействовать на человека, общество, природу.

Риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах его жизнедеятельности [4, 23, 26].

Опираясь на концепцию У. Бека, Э. Гидденс [1] отмечает, что понятие риска (как ключевой характеристики социальной жизни) в практическом сознании людей приходит на смену понятия «судьбы» и становится центральным в обществе, которое открывается проблематичному будущему. Экзистенциальная тревога становится устойчивым фоном жизнедеятельности индивида.

Общество риска – это общество катастроф, в котором чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни, а зло становится тривиально повседневным. Нынешние риски и опасности, в общем и целом, представляют собой продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться [5]. Так, например, террористические акты совершались и ранее, но сегодня они принимают глобальные масштабы и имеют совершенно иные социальные и политические последствия.

Таким образом, *опасность* понимается нами как предвидимое событие, тенденция, закономерность, чреватая негативными последствиями. Иными словами, опасность – это наличие и действие реальных (или потенциальных) сил и факторов, которые могут стать дестабилизирующими по отношению к личности, к какой-либо социальной или природной системе с нанесением им ущерба, дезорганизации или полного уничтожения. Угроза – потенциальная возможность реализации опасности. Она возникает как результат действия отдельных факторов или их совокупности. Поскольку в качестве последствий, как риска, так и опасности, выступают определенные потери (материальные, духовные, социальные и т. д.) необходимо различить эти два понятия. Под *опасностью* понимается способность причинения какого-либо вреда (ущерба) жизни и здоровью человека, его материальным и духовным ценностям, а под *риском* – возможная опасность, количественное выражение последствий ее реализации. В такой интерпретации понятие риска является производным от понятия опасности и отождествляется с угрозой. Согласно взглядам Н. Лумана, если возможный ущерб рассматривается как следствие решения, тогда мы говорим о риске, если же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, вменяются окружающему миру, тогда речь идет об опасности. А.В. Мозговая [14], в целом придерживаясь точки зрения Н. Лумана о соотношении понятий риска и опасности, вносит, на наш взгляд, важное дополнение о том, что опасность не является риском до тех пор, пока нет решения действовать, подчеркивая тем самым субъективную природу риска.

Эффективность принятого решения напрямую зависит от защищенности, устойчивости субъекта к оказываемому неблагоприятному воздействию. Утрата субъектом решения такой защищенности, характеризуемая категорией *уязвимости*, является, наряду с опасностью, еще одной предпосылкой возникновения риска.

Мы предлагаем считать риском *потенциальную возможность ущерба для социальных и природных систем, обусловленную объективными, локализованными во внешней или внутренней среде источниками опасности и решением социального субъекта, характеризуемого той или иной степенью уязвимости*.

Дальнейшее рассмотрение исследуемой проблематики требует концептуализации таких понятий как «*социальный риск*», «*социальные девиации*» и собственно «*социальная безопасность*».

Широкое толкование «социального» как общественного в отличие от естественного, природного представляет еще большую значимость для раскрытия сущности и понимания социальных рисков. Учитывая, что «социальное» является важнейшей стороной всей системы общественных отношений, а функционирование и воспроизводство каждой сферы общества осуществляется через взаимодействие и взаимозависимость субъектов социальной жизни, социальные риски *целесообразно рассматривать как интегральное понятие, объединяющее все виды общественных рисков, то есть рисков со стороны социальной среды* (в отличие от природных опасностей, возникающих независимо от человека). Безусловно, все виды социальных рисков в определенной мере связаны друг с другом, и потеря по одному виду рисков не исключает, а иногда и ведет к увеличению вероятности потерь по другому виду рисков.

Несмотря на то, что определение социальных рисков в современной науке затруднено из-за комплексного и зачастую противоречивого характера явления, многообразия существующих подходов и научных предпочтений авторов, возможно выделить некоторые общие черты, присущие всем определениям социального риска. Он связан с вероятностью наступления событий, которые могут повлечь за собой негативные последствия для индивида и общества; отражает особенности функционирования и дисфункции действующих социальных институтов, призванных упорядочить и обеспечить стабильность социальной системы в целом; всегда связан с нормативно-этической сферой социального регулирования; обусловливается как объективным влиянием внешней среды, независимой от волеизъявления индивида, так и его субъективным решением, связанным с необходимостью выбора решения из множества имеющихся альтернатив; имеет тенденцию к постоянному воспроизводству, проявляющемуся в массовом характере его реализации и относительной устойчивости к применяемым мерам контроля.

Социальная девиация рассматривается нами как социально-обусловленное явление, социальное поведение индивидов и их групп, отклоняющееся от считающегося «нормальным» или социально приемлемым в обществе либо в социальном контексте.

Социальные риски воспроизводства девиаций заключают в себе потенциальную угрозу состоянию социальной безопасности, то есть такому состоянию общества, при котором складывающиеся социальные отношения не дестабилизируют его структуру и не угрожают социальному положению индивида.

Как понятие «*социальная безопасность*» в отечественной научной литературе появилась в начале 1990-х годов XX в. Его первыми авторами являются ученые Института социально-политических исследований РАН.

Непосредственно социальная безопасность, ее содержание рассматриваются в работах [9, 22, 27] как исследовательская проблема, представлен анализ социальной безопасности через призму глобальных изменений.

В словаре-справочнике «Геополитика, международная и национальная безопасность» дается следующее определение: «Социальная безопасность – защищенность социальной сферы общества и государства от угроз, способных разрушить ее или обусловить ее деградацию» [3].

Яновский Р.Г. [27] определяет социальную безопасность как наличие объективных и субъективных условий и факторов, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность социума и его способность противостоять неблагоприятным внешним и внутренним разрушительным воздействиям и влияниям, сохранять свою целостность и способность к воспроизводству, а также устойчивость своего развития.

Ряд авторов рассматривает социальную безопасность как часть национальной безопасности наряду с экономической, политической и другими видами безопасности. Так, например, Ярочкин В.И. [18] определяет социальную безопасность как совокупность мер по защите интересов страны и общества в социальной сфере, развитие структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образ нынешнего и будущих поколений в соответствии с потребностями прогресса. При этом он выделяет цель социаль-

ной безопасности – обеспечение прочного гражданского мира и критерий социальной безопасности – благополучие среднего слоя населения численностью не менее 75 %, отмечая, что субъектом социальной безопасности является система государственной и социальной защиты.

Согласно другому подходу дается широкое толкование понятия социальная безопасность, включая в него различные стороны жизни общества, такие как политическая, экономическая, бытовая, духовно-нравственная и другие. Тем не менее проблемы социальной безопасности чаще всего описываются в увязке в той или иной мере с другими видами национальной безопасности [13, 20, 22, 27]. Описывается социальная безопасность и в контексте возвратного права [13] и положения различных демографических и профессиональных групп населения в стране [19].

Наиболее полным, на наш взгляд, в настоящее время является определение безопасности, данное В. Серебрянниковым и А. Хлопьевым – это *состояние защищенности личности и общества, государства от внешних и внутренних опасностей и угроз, базирующееся на деятельности людей, общества, государства, мирового сообщества народов по выявлению (изучению), предупреждению, ослаблению, устранению (ликвидации) и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для выживания и развития* [20].

Если социальная безопасность понимается в *широком* смысле, а именно, как синоним безопасности всего общества (международная безопасность) или национальной, коллективной, региональной безопасности, то и конкретные виды безопасности (безопасность в каждой из названных выше сфер) приобретают соответствующий вид, например, экономическая безопасность в международной сфере, в национальной сфере и т. д. или информационная безопасность на соответствующих уровнях организации общества.

Если же социальная безопасность понимается в *узком* смысле – как безопасность одной из сфер общественной жизни наряду с экономической, политической, духовно-культурной, то есть связывается с обеспечением высокого уровня жизни народа, то следует включать в понятие социальной безопасности такие ее формы, как безопасность в области здравоохранения, образования, экологическая, информационная безопасность, защищенность детства, старости, человеческого достоинства. *Мы склоняемся к тому, чтобы в социологическом изучении проблем социальной безопасности применять понятие социальной безопасности конкретно, с учетом многообразия ее проявлений и с указанием всякий раз на то, в каком смысле понимается социальная безопасность – в широком или узком.*

Таким образом, распространяясь, социальные девиации приводят к падению жизненного уровня конкретных социальных групп общества, нарастанию социального неравенства, криминализации общественных отношений, росту безнравственности, ухудшению социального здоровья населения и сокращению населения страны; усилению настроений социальной безысходности и дезориентированности в широких кругах населения, в том числе молодежи; росту социальной напряженности в обществе, проявляющейся как на поведенческом уровне, так и в общественных настроениях.

Все это изменяет социальную реальность в сторону небезопасности и в целом создает общую рискованную среду, благоприятную для возникновения новых и воспроизводства имеющихся форм социально девиантного поведения. Социальные риски, выступающие результатом социальных изменений, преломляясь в сознании отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом, проявляются в социальных качествах человека, особенностях его воспитания, характера, убеждениях, взглядах, отношении к социальной действительности, то есть во всем том, что составляет основу социального поведения.

Использование концепции риска, основанной на уязвимости, применительно к анализу девиаций (наркотизации, алкоголизации, терроризма, развития экстремистских настрое-

ний и т. д.) в контексте социальной безопасности расширяет традиционный подход, основанный на изучении факторов риска, проливая свет на контекст, внутри которого существует индивидуальный опыт и, тем самым, давая возможность более широко осмыслить причины неблагоприятных явлений в отношении социального здоровья и определить необходимые меры в ответ на эти явления.

Достаточно важным для методологического обоснования изучения взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности нам представляется рассмотрение институционального аспекта функционирования социума.

Как известно, любой социальный институт характеризуется наличием социально детерминированной цели своего существования и деятельности, конкретными функциями, обеспечивающими реализацию целевого назначения данного социального института, соответствующим ему реестром статусов и ролей. Именно социальные институты, по мнению американского социолога [10], обеспечивают гарантии устойчивости, постоянства отношений между людьми, выстраивая устойчивую структуру разнообразных форм коллективной жизни; без социальных институтов невозможно было бы ни удовлетворение важнейших социальных потребностей, ни гарантирование организованного процесса коллективной деятельности. Поэтому в социологической области научного знания [18], «институты – одна из базовых дефиниций, ...они сопутствуют самой сущности упорядоченной социальной жизни. Традиция такого подхода идет еще от Г. Спенсера (1898 г.) [24], считавшего, что изучение институтов есть изучение строения и развития общества, анализ возникновения, роста, изменений, сломов, а, следовательно, оно и составляет сущность социологии как науки».

Институциональный подход предполагает выявление роли и места социальной безопасности в совокупной системе общественных отношений, установление степени адекватности выполняемых ею функций потребностям социальной системы в целом, а также определение характера взаимосвязей между системой обеспечения социальной безопасности и другими социальными институтами. Кроме того, осуществляется изучение внутренней структуры системы социальной безопасности, т. е. присущих ей социальных ролей и статусов, видов деятельности, а также функционирующих в ее рамках формальных организаций.

В качестве социального института социальной безопасности выступает *совокупность исторически сложившихся и закреплённых, устойчивых и самовозобновляющихся видов социальных взаимодействий, призванных удовлетворять потребности общества в обеспечении соответствующих социальных потребностей населения.*

Институциональная структурированность социальной безопасности находит свое выражение не только в социально обусловленной функциональной заданности социальных процессов, но и в наличии совокупности экзистенциальных признаков, присущих социальному институту как таковому, потому что только лишь констатация укорененности и повторяемости определенных видов социальных связей не является достаточно полным критерием институциональности того или иного типа взаимодействия.

По нашему мнению, из совокупности признаков (а их количество по-разному указывается разными авторами в зависимости от их исследовательских подходов), позволяющих идентифицировать систему по обеспечению социальной безопасности как социальный институт, необходимо в первую очередь выделить следующие:

– наличие строго определенного реестра прав, обязанностей и функций агентов институционализированного взаимодействия, что позволяет обеспечить высокую предсказуемость поведенческих актов участников этого взаимодействия на основе целесообразно ориентированных стандартов их поведения;

– детерминированное наличием конкретного набора прав и обязанностей разделение труда и профессионализация выполнения функций агентов, т. е. «формирование адми-

нистративных уровней ответственности и функциональных единиц», что предполагает деятельность не просто участников, а специалистов, имеющих «способность и готовность принимать решения, основанные на профессиональной подготовке и опыте»;

– обезличенный, деперсонифицированный тип регламентации социальных взаимодействий (речь в данном случае идет не об отсутствии зависимости эффективности деятельности в рамках институционализированных социальных связей от индивидуальных качеств – это, собственно, противоречило бы социальной практике, в особенности в такой сфере как обеспечение социальной безопасности, где значимость личностного фактора чрезвычайно высока, – а о том, что в контексте институционального пространства, характеризуемого регулярностью и самовозобновляемостью социальных связей, действующему субъекту необходимо взять на себя конкретные деиндивидуализированные права и обязанности и тем самым обеспечить соответствие своей деятельности адекватным данному институту социальным стандартам поведения);

– наличие не просто механизмов регуляции, направленных на стабилизацию, упорядочение социальных связей, но и комплекса обязывающих доминант в виде совокупности норм – фиксированных и однозначно интерпретируемых эталонов поведения, адресуемых всем участникам социальных взаимодействий.

Материальный компонент социальных институтов находит свое выражение в наличии учреждений, выполняющих определенные социальные функции. Именно в рамках учреждений организуется деятельность по реализации целевого предназначения того или иного социального института, осуществляется контроль за этой деятельностью, управление ею. Так, институт обеспечения социальной безопасности – это не только агрегированная целостностью устойчивых и структурированных социальных связей, обусловленная наличием социальной потребности в обслуживании, но и вполне конкретная совокупность лиц: обслуживающего персонала учреждений, руководителей высшего и среднего звена, чиновников министерства и его подразделений и т. д., обладающих необходимыми для выполнения своих функций средствами и ресурсами.

Сам же институт обеспечения социальной безопасности предстает в виде совокупности организаций (учреждений), включенных в сложную систему внутренних координационно-субординационных отношений. Кроме того, любая организация складывается и функционирует как определенная общность людей со своими представлениями, взглядами на жизнь, убеждениями, волей, желаниями, личностными качествами, нормативной базой, ценностными ориентациями и установками и т. п., но в то же время включенных в формализованную систему статусно-ролевых стандартов, диктующих свои собственные, деиндивидуализированные и независимые от личностных предпочтений «правила игры», то есть адекватные данному институциональному образованию (для успешной реализации своих функций) линии поведения.

Этот сложнейший конгломерат объективных и субъективных факторов требует соответствующего механизма упорядочивания и согласования взаимодействий, то есть определенной системы регуляции, а посему одним из важнейших аспектов эффективного функционирования любой институциональной структуры является управление «как целеустремленная организующая деятельность людей».

Таким образом, дальнейшее рассмотрение процесса взаимообусловленности социальных рисков воспроизводства девиаций и системы социальной безопасности необходимо с точки зрения формирования в данной системе специфичного социального механизма.

Под «*социальным механизмом обеспечения социальной безопасности*» подразумевается устойчивая система взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней данной системы, конечным результатом которых служит удовлетворение определенной общественной потребности (в частности, в противодействии распространению социальных девиаций и обеспечении социальной безопасности).

На фоне социальных изменений, происходящих в базовых институтах России, происходит и трансформация социальных практик в системе обеспечения социальной безопасности, нередко они расширяются, приобретают более многообразный характер и становятся органической частью новых общественных институтов. Постоянное воспроизведение этого процесса свидетельствует о том, что в его основе лежит определенный социальный механизм, знание которого имеет большое практическое и теоретическое значение. Ниже делается попытка описать этот механизм, опираясь на представления, развитые в работах [8].

Концептуальная модель взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности, реализуется на основе анализа социального механизма обеспечения социальной безопасности в контексте рассмотрения социальных рисков воспроизводства девиаций и включает в себя три уровня анализа: макроуровень (институциональный), мезоуровень (социально-групповой), микроуровень (индивидуальный).

Макроуровень представлен институциональной структурой общества. Он включает основные элементы: формально-правовые и административные нормы, устанавливаемые и контролируемые государством, социокультурные нормы, контролируемые гражданским обществом и институционализированные социальные практики в сфере социального обслуживания. Каркас каждого социального института составляют правовые нормы, формально зафиксированные в законах, подзаконных актах и других правовых документах (формально-правовые и административные нормы, устанавливаемые и контролируемые государством). Полнота, непротиворечивость и легитимность этих норм, их справедливость в глазах общества определяют социальное качество и эффективность института. Важно и качество контроля соблюдения правовых норм.

Вторым элементом социального института являются социокультурные нормы, регулирующие поведение социальных акторов в соответствующих сферах. Соблюдение этих норм контролируется через культурные механизмы, общественное мнение и моральные оценки окружающих. Функционирование общественных институтов проявляется в социальных практиках — устойчивых системах взаимосвязанного и взаимно ориентированного поведения социальных субъектов. В данном случае речь идет о таких социальных практиках, результат которых способствует обеспечению социальной безопасности, противодействию распространению социальных девиаций. Причем не все социальные практики противодействия носят институциональный характер. Институционализируются преимущественно те из них, которые отличаются либо большей значимостью и массовостью, либо устойчивостью и традиционностью. Именно такие практики составляют устойчивое ядро жизнедеятельности данного общества, в то время как недавно возникшие, сравнительно редкие, противоречащие существующему законодательству практики обычно представляют ее периферию. Периферийные практики могут институционализироваться, в случае изменения социокультурных или правовых норм или же исчезать как результат ужесточения институционального контроля.

Эффективность противодействия распространению социальных девиаций на уровне институциональной структуры зависит от взаимного соответствия, во-первых, формальных и неформальных норм и, во-вторых, норм и реальных практик. Таким образом, жизненные силы социальных институтов (институциональные силы противодействия) складываются из правовых сил и социокультурных сил, потенциал которых необходим для удовлетворения общественной потребности (необходимое условие существования института), в том числе обеспечения социальной безопасности.

Мезоуровень (социально-групповой) процесса обеспечения социальной безопасности представлен двумя блоками. Первый блок отражает деятельность органов законодательной власти в области обеспечения социальной безопасности (в частности, противодействия распространению девиаций, наркотизации), ограниченную, тем не менее, формально-правовыми рамками. Само по себе принятие новых законов еще не меняет как общественных практик,

связанных с употреблением, так и стратегий противодействия. Действительное внедрение новых правовых норм в общественную практику, координация действий по выполнению принимаемых программ в области обеспечения социальной безопасности является прямой функцией межведомственных комиссий по обеспечению социальной безопасности (в частности, по противодействию распространения экстремизма, терроризма, социально-обусловленным заболеваниям и т. д.), а также организаций федерального, регионального, муниципального уровней подчинения, государственного, частного, общественного секторов, которые как непосредственно, так и опосредовано, включены в работу по обеспечению социальной безопасности. Деятельность учреждений, контролируется политическими структурами и регулируется формально-правовыми нормами и одновременно влияет на них, предоставляя основания для модернизации существующего законодательства.

Таким образом, на мезоуровне происходит законодательная и нормотворческая деятельность в сфере обеспечения социальной безопасности (борьбы с наркотизацией, экстремизмом, терроризмом, суицидальным поведением и т. д.), формируется политика в этой области, позволяющая организовать межсекторальное и межведомственное взаимодействие, а в качестве акторов противодействия выступают коллективные социальные субъекты, реализующие деятельность по основным направлениям противодействия распространению социальных рисков воспроизводства девиаций.

Эффективность обеспечения социальной безопасности на данном уровне зависит от степени развитости у акторов мезоуровня политических, организационно-административных, социально-экономических сил, специфики их взаимодействия друг с другом и с конкретным жизненным пространством.

Деятельность акторов мезоуровня формирует то социально-нормативное пространство, в котором протекает *деятельность рядовых сотрудников учреждений*, реализующих обеспечения социальной безопасности, результаты которого учитываются акторами мезоуровня в своей деятельности, а также *реактивное поведение населения региона, девиантных групп*, также связанных с мезоуровнем и представляющих *микроуровень* противодействия. Именно они завершают формирование реальных социальных практик в области обеспечения социальной безопасности. Эффективность обеспечения социальной безопасности будет определяться тем, насколько данные социальные практики способствуют восстановлению и сохранению жизненных сил, физического, психологического, социального, духовного здоровья населения, препятствию формированию и коррекции аномальной субъектности, адекватного взаимодействия по поводу средств жизнеосуществления и жизненного пространства.

На макроуровне система факторов социального механизма обеспечения социальной безопасности представлена совокупностью *институциональных факторов*. В их число входят факторы трех категорий: *фактор конфигурации социальных институтов* (какие конкретно социальные институты участвуют в процессе обеспечения социальной безопасности в контексте социальных рисков воспроизводства девиаций на том или ином этапе развития общества); *фактор легитимности* социального института, входящего в конфигурацию (насколько данный институт устойчив и способен оказывать организующее влияние на общественную жизнь); *нормативный фактор*, характеризующий сущностные элементы социального института (формально-правовые и социокультурные нормы, институционализованные социальные практики).

На мезоуровне обеспечения социальной безопасности эффективность социального механизма определяется *политико-административными факторами*, в число которых входят: *идейно-политический фактор*, влияющий на законодательную и нормотворческую политическую деятельность; *организационно-административный фактор*, определяющий эффективность межведомственных и межсекторальных взаимодействий; *социально-экономический фактор*, связанный с распределением трудовых, финансовых, материальных ресурсов, необходимых для эффективного обеспечения социальной безопасности.

На микроуровне (индивидуальном) эффективность противодействия зависит от потенциала жизненных сил индивидуальных субъектов, их жизненных позиций и принципов, социальных установок и оценок распространения социальных девиаций, рискованного поведения, методов борьбы с разного рода социальными девиациями, что представляет собой **фактор человеческой активности** модернизации социального механизма обеспечения социальной безопасности, опосредующий и влияющий на функционирование механизма в целом.

Действие любого социального механизма разворачивается в определенных условиях, социальном контексте, содержание которого различается в зависимости от сущности самого механизма и от актуального развития всех сфер общественной жизни. Для социального механизма обеспечения социальной безопасности в качестве основного контекста *социальные риски воспроизводства девиаций* включают в себя следующие характеристики: факторы и условия, способствующие воспроизводству социальных рисков в современном российском обществе; уровень индивидуальной безопасности, включающий субъективную оценку общественной безопасности по самоощущениям, оценку степени защищенности от основных угроз социальной безопасности и положительную эмоциональную оценку своего состояния; показатели воспроизводства риска, в структуру которых входят актуально реализуемые практики рискованного поведения.

Такой подход к выделению акторов и уровней социального механизма не совсем совпадает с подходом [8], однако в данной модификации, по нашему мнению, существует некоторая эвристическая ценность. Подобное выделение уровней процесса обеспечения социальной безопасности делает возможным построение *континуума персонификации акторов*, на одном полюсе которого будет находиться институциональная структура как актор в высшей степени деперсонифицированный, а на другом – конкретные люди, сотрудники учреждений, ведомств и организаций, население, обладающие определенным потенциалом жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектностью, реализующие определенную деятельность в некотором жизненном пространстве.

Представленная структура социального механизма обеспечения социальной безопасности позволяет рассматривать систему факторов, определяющих эффективность социального механизма обеспечения социальной безопасности. Дифференцируясь по уровням обеспечения социальной безопасности, указанные факторы являют собой свойства и характеристики деятельности социальных акторов и устойчивых взаимодействий между ними, которые обуславливают необходимость модернизации социального механизма обеспечения социальной безопасности.

Обобщая рассмотренные положения, необходимо подчеркнуть, что концептуальная модель взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности, реализуется на основе анализа социального механизма обеспечения социальной безопасности с позиций рассмотрения социальных рисков воспроизводства девиаций, трактуется в рамках структурно-функционального, институционального и деятельностного подходов, выполняет ряд важных методологических и методических функций ее использования:

- обеспечивает целостное видение процесса обеспечения социальной безопасности и социальных рисков воспроизводства девиаций;
- дает возможность представить модель противодействия рискам распространения девиаций в современном российском обществе;
- актуализирует междисциплинарные исследования социальных рисков, девиаций и социальной безопасности;
- помогает придать более системный и операциональный характер межрегиональным и международным сравнениям изучения социальных рисков, девиаций и социальной безопасности;

- позволяет сформулировать направления модернизации социального механизма обеспечения социальной безопасности;
- позволяет разработать научно-обоснованную систему мониторинга различных показателей социальных рисков воспроизводства девиаций;
- актуализирует разработку концептуальных основ противодействия социальным рискам воспроизводства девиаций с позиций социальной безопасности населения в современной России;
- позволяет разработать систему мер по противодействию социальным рискам воспроизводства девиаций с позиций социальной безопасности населения в современной России.

Такое комплексное социологическое исследование взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности, социального механизма ее обеспечения обладает значительным потенциалом для построения новых концептуально-теоретических и эмпирических моделей и может использоваться для анализа других проблем, касающихся социального здоровья, социальных патологий и девиаций.

Список литературы

1. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
2. Luhmann N., Die Ausdifferenzierung des Kunstsystems, Bern (Benteli), 1994.
3. Абурахманов М.И., Баришполец В.А., Манилов В.Л. Геополитика, международная и национальная безопасность. Словарь-справочник. Под общей редакцией Манилова В.Л. М.: Пробел, 1999. 375 с.
4. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М.: 1989. С. 81.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
6. Воробьев Ю.Л. Сервис безопасности – негосударственный сектор безопасности человека // Проблемы анализа риска. 2008. Т. 5, № 1. С. 10–22
7. Заславская Т.И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России / Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 93–110.
8. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 3–22.
9. Кузнецов В.Н. Социология безопасности: формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе / Приложение журналу «Безопасность Евразии». М.: Республика, 2002. 367 с. (Серия «За Нашу и Вашу безопасность»).
10. Липсет С.М. Размышления о капитализме, социализме и демократии // Пределы власти. 1994. № 1.
11. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алт. гос. ун-та. 2012. № 2/1 (74). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2012. С. 211–215.
12. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Варава В.В., Дубова Т.Г. Современные реалии социальной безопасности регионального социума // Известия Алт. гос. ун-та. 2010. № 2/1(66). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. С. 187–190.
13. Минин, Б.А. Возвратное право. Социальная безопасность и общественное развитие / Б.А. Минин; Международная Академия общественного развития, Экспертный совет при Комитет по безопасности Государственной Думы Федерального Собрания РФ (Группа по вопр. соц. безопасности и соц. развития). М.: МАОР, 2002. 79 с.
14. Мозговая А.В. Риск как социологическая категория // Социология: 4М. 2006, № 22. С. 5–18.
15. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль [Текст] / Ф.Х. Найт, пер. с англ. М.Я. Каждана; науч. ред. В.Г. Гребенников, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ. М.: Дело, 2000.
16. Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. Социальные риски и угрозы безопасности: повседневные практики на рынке труда // Вестник Омского университета. Серия «Социология». 2010. № 1/2. С. 23–33.

17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: 1995.
18. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. 237 с.
19. Рыков С.Л. Социальная безопасность военнослужащих женщин // Безопасность. М.: 2001.
20. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России / М.: 1996. 352 с.
21. Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И., Ефимов Н.Н., Ковалев В.И. Безопасность России и армия. М.: 1995. 337 с.
22. Силласте, Г.Г. Новая наркоситуация в России: угроза безопасности общества и личности / М.: Орбита-М, 2003. 45 с.
23. Смакотина Н.Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты. М.: КДУ, 2009.
24. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2. СПб.: Изд-е И.Д. Сытина, 1898. С. 212, 234–237.
25. Яницкий О.Н. Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
26. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003.
27. Яновский Р.Г. Социальная динамика гуманитарных перемен / Social Dynamics of humanitarian change: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь ее народов / Р. Яновский. М.: Кн. И бизнес, 2001. 423 с.
28. Ярочкин В.И., Бузанова Я.В. Теория безопасности. М.: Академический проект: фонд «Мир», 2005. 176 с.

References

1. Giddens A. The Consequences of Modernity. Polity Press. Cambridge, 1990.
2. Luhmann N., Die Ausdifferenzierung des Kunstsystems, Bern (Benteli), 1994.
3. Aburahmanov M.I., Barishpolets V.A., Manilow V.L. (1999) *Geopolitika, mezhdunarodnaya i natsional'naya bezopasnost'. Slovar'-spravochnik. Pod obshchei redaktsiei Manilova V.L.* [Geopolitics, international and national security. Reference Dictionary. Under the general editorship Manilow V.L.], *Probel* [Space], Moscow, p. 375.
4. Algin A.P. (1989) *Risk i ego rol' v obshchestvennoi zhizni* [Risk and its role in public life], Moscow, p. 81.
5. Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another modernity], *Progress-Traditsiya* [Progress-Tradition], Moscow, p. 384.
6. Vorobiyev J.L. (2008) *Servis bezopasnosti – negosudarstvennyi sektor bezopasnosti cheloveka* [Security service – non-state sector of human security], *Problemy analiza riska* [Problems of risk analysis], vol. 5, no. 1, pp. 10–22.
7. Zaslavskaya T.I. (2003) *Sotsial'nyi mekhanizm postkommunisticheskikh preobrazovaniy v Rossii / Rossiya, kotoruyu my obretaem / Otv. red. Zaslavskaya T.I., Kalugina Z.I.* [Social mechanism of post-communist transition in Russia, Russia that we gain, Ed. Zaslavskaya T.I., Kalugina Z.I.], *Nauka* [Nauka], Novosibirsk, pp. 93–110.
8. Zaslavskaya T.I., Shabanova M.A. (2001) *Sotsial'nye mekhanizmy transformatsii nepravovykh praktik* [Social transformation mechanisms of illegal practices], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no. 5, pp. 3–22.
9. Kuznetsov V.N. (2002) *Sotsiologiya bezopasnosti: formirovanie kul'tury bezopasnosti v transformiruyushchetsya obshchestve, prilozhenie zhurnalu «Bezopasnost' Evrazii» (seriya «Za Nashu i Vashu bezopasnost'»)* [Social security: building a culture of safety in a transformed society, app magazine «Security of Eurasia» (Series «For your and our security»)], *Respublika* [The Republic], Moscow, p. 367.
10. Lipset S.M. (1994) *Razmyshleniya o kapitalizme, sotsializme i demokratii* [Reflections on Capitalism, Socialism and Democracy], *Predely vlasti* [The limits of power], no. 1.
11. Maksimova S.G., Goncharova N.P., Noyanzina O.E. (2012) *Osobennosti vospriyatiya riska v strukture otsenki lichnoi i sotsial'noi bezopasnosti* [Features of risk perception in the pricing structure of personal and social security], *Izvestiya Alt. gos. un-ta. Izd-vo Alt. gos. un-ta* [Proceedings of Alt. Reg. Univ. Alt. Reg. University Press], Barnaul, no. 2/1(74), pp. 211–215.

12. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Goncharov N.P., Omelchenko D.A., Varava V.V., Dubova T.G. (2010) *Sovremennye realii sotsial'noi bezopasnosti regional'nogo sotsiuma* [Modern realities of social security regional society], *Izvestiya Alt. gos. un-ta. Izd-vo Alt. gos. un-ta* [Proceedings of Alt. Reg. Univ. Alt. Reg. University Press], Barnaul, no. 2/1(66), pp. 187–190.
13. Minin B.A. (2002) *Vozvratnoe pravo. Sotsial'naya bezopasnost' i obshchestvennoe razvitie* [Reversionary right. Social security and social development], *Mezhdunar. Akad. obshchestv. razvitiya, Ekspert. sovet pri Kom. Po bezopasnosti Gos. Dumy Feder. Sobr. Ros. Federatsii. (Gruppa po vopr. sots. bezopasnosti i sots. razvitiya), MAOR* [Intern. Acad. societies. Development Expert. Council under Com. Security State. Duma Feder. Collected. Rus. Federation. (Group on Problems. Soc. Security and social services. Development), IDEAS], Moscow, p. 79.
14. Mozgovaya A.V. (2006) *Risk kak sotsiologicheskaya kategoriya* [Risk as a sociological category], *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], no. 22, pp. 5–18.
15. Night F.H. (2000) *Risk, neopredelennost' i pribyl' (Tekst)* [Risk, Uncertainty and Profit (Text)], *Per. s angl. Kazhdana M.Ya.; nauch. red. Grebennikov. V.G.; Akademiya narodnogo khozyaistva pri Pravitel'stve RF. Delo* [Trans. from English. Kazhdan M.J.; scientific. Ed. Grebennikov V.G., Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation. Delo], Moscow.
16. Noyanzina O.E., Goncharova N.P. (2010) *Sotsial'nye riski i ugrozy bezopasnosti: povsednevnye praktiki na rynke truda* [Social risks and threats to security: the everyday practices in the labor market], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Sotsiologiya»* [Herald of Omsk University. A series of «Science»], no. 1,2, pp. 23–33.
17. Ojegov S.I., Shvedova N.Y. (1995) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language], *3-e izd., stereotip* [3rd ed. Stereotip], Moscow.
18. Radaev V.V., Shkaratan O.I. (1995) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social stratification], *Nauka* [Nauka], Moscow, p. 237.
19. Rykov S.L. (2001) *Sotsial'naya bezopasnost' voennosluzhashchikh zhenshchin* [Social security servicemen women], *Bezopasnost'* [Security], Moscow.
20. Serebryannikov B., Khlopiev A. (1996) *Sotsial'naya bezopasnost' Rossii* [Social Security in Russia], Moscow, p. 352.
21. Serebryannikov V.V., Derjugin Y.I., Efimov N.N., Kovalev V.I. (1995) *Bezopasnost' Rossii i armiya* [Russia's security and the army], Moscow, p. 337.
22. Sillaste G.G. (2003) *Novaya narkosituatsiya v Rossii: ugroza bezopasnosti obshchestva i lichnosti* [New drug situation in Russia: A Threat to the safety of society and the individual], *Orbita-M* [Orbit-M], Moscow, p. 45.
23. Smakotina N.L. (2009) *Osnovy sotsiologii nestabil'nosti i riska: filosofskii, sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii aspekty* [Principles of Sociology instability and risk: the philosophical, sociological and socio-psychological aspects], *KDU* [KDU], Moscow.
24. Spencer G. (1898) *Osnovaniya sotsiologii* [Grounds sociology], *Izd-e I.D. Sytina* [Univ. I. Sytina], St. Petersburg, vol. 2, pp. 212, 234–237.
25. Janitski O.N. (1998) *Rossiya: riski i opasnosti «perekhodnogo» obshchestva* [Russia: the risks and dangers of the transition of society], *Izd-vo Instituta sotsiologii RAN* [Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences], Moscow.
26. Janitski O.N. (2003) *Sotsiologiya riska* [Sociology of risk], *Izdatel'stvo LVS* [Publishing LVS], Moscow.
27. Yanovsky R.G. (2001) *Sotsial'naya dinamika gumanitarnykh peremen* [Social dynamics of human change], *Social Dynamics of humanitarian change: Sotsiologiya Shansa dlya Rossii na dostoinuyu i bezopasnuyu zhizn' ee narodov. Kn. i biznes* [Social Dynamics of humanitarian change: Sociology chance for Russia to decent. and safety. life of its peoples, Bk. And business], Moscow, p. 423.
28. Yarochkin V.I., Buzanova Y. (2005) *Teoriya bezopasnosti* [Theory of security], *Akademicheskii proekt: fond «Mir»* [Academic Project: Foundation «World»], Moscow, p. 176.